

Сегодня. — 1995. — 3 марта. — с. 10.

Маленький Большой Художник

Поминальное слово о Дмитрие Краснопевцеве

Никита Алексеев

мер Дмитрий Краснопевцев. Один из первых «нон-конформистов», автор серосеребрящихся натюрмортов. Живопись удивительной красоты и не особо модная.

Приходится писать в неприличном — и, надеюсь, не придется к нему привыкать — жанре, который не подразумевает глубокого анализа. Этим займются другие и позже. Я же хочу сказать о человеке и художнике. Мне повезло, я знал его с детства. Учитель, который ушел.

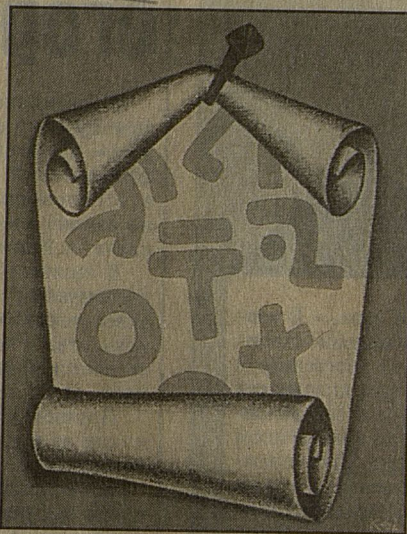
Наверное, в истории русского искусства Дмитрий Краснопевцев займет место маленького, камерного художника. Достаточно уже утвердилось сравнение его с Моранди. Общее у тосканца и москвича было одно — оба продирались сквозь непроходимый бетон тоталитарно-мифологического мировоззрения. Обоим пришлось взять на себя смелость быть простыми и аристократичными, вопреки социально-полезной традиции ниспровержения и водружения. Это требовало великого таланта — и художнического, и человеческого. И куда бы мы углыли на корабле современности, груженном тотальными инсталляциями, если бы в команде не было матроса, способного любоваться рябью на воде и рассказать нам о результатах этого занятия?

Я счастлив, что мне привелось видеть комнаты, где Краснопевцев жил и работал: сперва на Остоженке, потом в Черемушках. Мир этих комнат был как мандельштамовский листок, не успевающий в своем полете вымолвить слово, — живой, бесконечный, прозрачный. Сухие ветки, камешки, обломки керамики не были ни театральными актерами,

ни музейными экспонатами. Они жили, помнили свою жизнь и делились ею друг с другом. Похоже, для Краснопевцева, знавшего каждого из них, они были полноправными, живущими в мире «людьми», как сказал бы Дерсу Узала. На одной из полок, среди других камней, лежал бугристый булыжник. Краснопевцев так и не распилил его, хотя знал, что внутри — превосходный агат. Он не мог колоть тех, кто рядом с ним. Его любовь и знание превосходили надобность в подобных действиях. Это был какой-то священнический демократизм. Столь же удивительной была его способность проникнуть в суть изображения — а это ведь одна из главных задач художника. В его комнате висела большая гравюра с подробным планом центра Парижа. Франкоман Краснопевцев, ни разу не видевший Франции и не говоривший на ее языке, так узнал Париж старой картинкой, что я, помня его рассказы и черно-белые штрихи, топчась по реальному Парижу, узнавал какие-то углы, ступеньки, откосы домов.

Краснопевцев никогда не читал Витгенштейна, вряд ли интересовался структурализмом и психоанализом, тем, без чего не было бы «современного искусства». Но его уважение к прозрачности знака, мудрость отказа от лишнего (зачем много цветов, если есть черный и белый?) вели его к приобретению мудрости. И, возможно, в результате он окажется современнее многих, снабженных этим ярлыком.

Картины Краснопевцева — не универсальное лекарство от бед искусства и жизни. Такого вообще не бывает. Но они прекрасная вакцина от отсутствия достоинства и ответственности. Краснопевцев показал, что все-таки воз-

ДМИТРИЙ КРАСНОПЕВЦЕВ.
СВИТОК С НЕИЗВЕСТНЫМ АЛФАВИТОМ. 1962

можно быть художником, не превращаясь ни в *artiste mandit*, ни в агента далеко зашедшего процесса развития *artworld*.

Вопреки говорящей фамилии, он не был сладкоголосой сиреной. Его искусство ненавязчиво, от него легко отвернуться, воск для замазывания органов чувств не является насущной необходимостью. Обойтись можно без многого — и без московских черных веток в просвете мартовского неба, и без черноморского, средиземноморского августовского зноя. Можно вечно толочь воду в ступе по поводу того, кто первый, а кто радикальнее. У Краснопевцева была мудрость делать то, что он любил.

Умер художник, остались его картины. Умер человек, осталась память о нем. И не знаю, нравился ли Краснопевцеву поэт Введенский, сказавший: «Вокруг, похоже, Бог».

Отпевание состоится сегодня, в 11 часов, в Церкви Ильи Обыденного в Обыденском переулке (м. Кропоткинская)